

Ж. Мишле

Женщина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ж11

Ж11 **Ж. Мишле**
Женщина / Ж. Мишле – М.: Книга по Требованию, 2021. – 463 с.

ISBN 978-5-518-08023-2

ISBN 978-5-518-08023-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ведуюціи» (1847—1853), которая должна была служить какъ бы анналами вѣрованій новаго времени, такъ какъ они представлялись Мишле. Въ 1847 г. курсъ Мишле былъ закрытъ на второй лекціи, но въ 1848 г. курсъ возобновился. Мишле предлагали депутатство, но глубокое сознаніе своихъ настоящихъ силъ побудило его отказаться отъ новаго ему незнакомаго поприща, и продолжать свою либеральную проповѣдь съ кафедръ. Въ 1851 г. еще разъ курсъ былъ закрытъ по распоряженію министра и, послѣ декабрьскаго переворота, отказавъ новому правительству въ присягѣ, Мишле потерялъ свое мѣсто въ архивахъ. Въ сельскомъ уединеніи, среди природы, вступивъ во второй бракъ съ молодою женщиною, пятидесяти-пятилѣтній старикъ вдругъ обратился къ новому роду занятій:.... въ книгахъ: «Птица» (1856), «Насѣкомое» (1857), «Любовь» (1858) «Женщина» (1859) представляются преимущественно психологическіе вопросы: какое впечатлѣніе производитъ на человѣка окружающая его природа?.. какой элементъ женщина вноситъ въ общество? При рѣшеніи перваго вопроса, онъ опять сошелся съ великою задачею о томъ, какъ впечатлѣнія, доставляемыя природою, обусловливаютъ жизнь человѣка, какъ изъ нихъ вырастаютъ его вѣрованія, развивается его исторія. Второй вопросъ имѣлъ двѣ стороны: современную полемику о правахъ женщины, столь тѣсно связанную со всѣми со-

ціальними несогласіями нашей эпохи, и опредѣленіе вліянія женщины въ исторіи. Должно сознаться, что оба эти вопроса столь существенны, что не рѣшивъ ихъ для себя хотя гипотетически, ни одинъ историкъ не можетъ надѣяться на правильное возсозданіе картины общества.....

ЖЕНЩИНА

соч. Ж. Мишле.

(Переводъ съ Французскаго).

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Отъ чего люди не женятся.

Въ настоящее время всѣмъ бросается въ глаза одно обстоятельство: по странному стеченію общественныхъ, религіозныхъ и экономическихъ условий, *мужчина живетъ отдѣльно отъ женщины.*

Это случается все чаще и чаще. Они идутъ совершенно различными параллельными дорогами, даже болѣе — напоминаютъ двухъ путешественниковъ, пустившихся въ путь съ одной и той же станціи, но по расходящимся въ стороны рельсамъ, и съ различною скоростью: одинъ — движеніемъ медленнымъ, другой — на всѣхъ парахъ.

Мужчина, — какъ ни слабо его нравственное развитіе, все-таки идетъ по пути идей, изобрѣтеній, открытій, и такъ быстро, что отъ раскалившихся рельсъ сыплются искры.

Женщина, по роковому стеченію обстоятельствъ, оставленная назади, бредеть по колеѣ прошлаго, плохо ей знакомаго. Къ нашей бѣдѣ, она отстала и не хочетъ или не можетъ идти быстрѣе.

Хуже всего, что она какъ будто и не стремится къ сближенію. Точно имъ нечего сказать другу другу. Очагъ остылъ, за столомъ молчаніе, постель холодна.

Не стоитъ хлопотать для своихъ, — говорятъ они. Но не болѣе дѣлается и для общества, гдѣ существуютъ однако законы вѣжливости. Каждый вечеръ мы видимъ, какъ общество, въ гостиныхъ, дѣлится на два кружка — мужчинъ и женщинъ. Но вотъ что заслуживаетъ вниманія: если въ небольшомъ, дружескомъ обществѣ, хозяйка дома попробуетъ слить эти два кружка, попробуетъ заставить мужчинъ бесѣдовать съ женщинами, въ комнатѣ тотчасъ воцаряется молчаніе, разговоръ не клеится.

Нужно ясно опредѣлить это явленіе. Между мужчинами и женщинами теперь нѣтъ ничего общаго ни въ мысли, ни въ способѣ ея выраженія; они даже не умѣютъ говорить другъ съ другомъ о томъ, что равно интересно для обонхъ. Они слишкомъ разошлись. И если пойдетъ такъ и далѣе, то вскорѣ, не взирая на случайныя столкновенія, это будутъ уже не два пола, а два народа.

Не мудрено, что книга, направленная противъ такого порядка вещей, — книга, написанная отъ искренняго сердца и безъ всякихъ литературныхъ претензій, была по всюду встрѣчена такою ѣдкою критикою. Во имя человѣческой природы, *любовь* простодушно вмѣшалась въ этотъ разладъ между мужчиною и женщиною, говоря имъ: «любите еще!»

Рѣзкіе крики покрыли эти слова, задѣвшія за чувствительную струну: нѣтъ, мы не хотимъ любить! мы не хотимъ быть счастливы! Тутъ что-то кроется. Напрасно онъ прячется за религіознымъ обожаніемъ женщины, напрасно говоритъ, что хочетъ укрѣплять и развивать ея умъ: онъ хочетъ имѣть въ ней рабыню, кумирь, прикованный къ алтарю!

И такъ, при первомъ словѣ о сближеніи, высказалась болѣзнь вѣка, этотъ разладъ, это печальное пристрастіе къ одиночеству, какая-то одичалость, гнѣздящаяся въ умахъ.

Женщины прочли и заплакали. Ихъ руководители (духовники, или философы) подсказали имъ отвѣтъ, — и едва посмѣли онѣ высказаться въ пользу своего защитника. Но онѣ поступили лучше: онѣ перечитывали, пожарили преступную книгу, приберегли её на часъ досуга, спрятали её подъ подушку.

Это утѣшило злополучную книгу и въ оскорбленіяхъ врага, и къ критикѣ друзей. Она не пришла по вкусу

ни защитникамъ среднихъ вѣговъ, ни защитникамъ эманципированной женщины. Первые желали видѣть ее въ монастырѣ, а послѣдніе — на тротуарѣ. *Любовь* поставила женщину у домашняго очага.

«Книга, защищающая бракъ, семью! О позоръ! напишите намъ лучше тридцать романовъ въ защиту прелюбодѣянія, украсьте ихъ съ помощью воображенія, и васъ гораздо лучше встрѣтятъ.»

Къ чему упорчивать семью? говоритъ одинъ набожный журналъ. Вѣдь она и безъ того у насъ въ лучшемъ видѣ. *Во время оно, дѣйствительно бывали случаи прелюбодѣянія, но нынѣ этого не бываетъ.* — Извините, возражаетъ одинъ большой политическій журналъ въ своемъ остроумномъ фельетонѣ, имѣвшемъ огромный успѣхъ, — извинитѣ, бываетъ это и теперь, и даже чаще, но больше не возбуждается шума, и въ это примѣшиваютъ такъ мало страсти, что ровный и спокойный родъ жизни нисколько не нарушается. Это сдѣлалось необходимымъ условіемъ французскаго брака, почти учрежденіемъ. У всякаго народа свои нравы, а мы вѣдь не англичане.

Ровный и спокойный родъ жизни! Вотъ въ этомъ-то и зло. Проступокъ женщины не тревожитъ ни мужа, ни любовника, ни ея самое; ей хочется разогнать скуку,

вотъ и все. Но въ этой пошлой, блѣдной жизни, гдѣ сердце играетъ такую ничтожную роль, гдѣ такъ мало тратится искусства, гдѣ ни одинъ изъ трехъ не считаетъ нужнымъ сдѣлать надъ собой ни малѣйшаго усилія, — всѣ нравственно падаютъ, томятся, и опошляются отвратительнымъ добродушіемъ.

Все это слишкомъ хорошо извѣстно всякому, и ни у кого нѣтъ охоты къ супружеской жизни. Если-бы наши законы о наслѣдіи не обоготали женщины, никто и не подумалъ бы о бракѣ, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ.

Мнѣ довелось однажды слышать наставленія одного деревенскаго барина, степеннаго отца семейства, своему сосѣду, молодому человѣку: «Если вы останетесь здѣсь, говорилъ онъ, то вамъ разумѣется придется жениться; а поселись вы въ Парижѣ, тогда это совсѣмъ лишнее. Тамъ легко устроиться иначе.»

Всякому извѣстны слова, отмѣтившія паденіе умнѣйшаго народа въ мірѣ, Аѳинянь: «Ахъ! еслибы можно было обойтись безъ женщинъ, чтобы имѣть дѣтей!» — Въ эпоху римской имперіи было еще хуже. Ни какія уголовныя взысканія, ни какіе законы *Julia*, направленные къ тому, чтобы женить людей подъ палочными ударами, не могли сблизить мужчинъ съ женщинами; казалось, что въ людяхъ

погасло даже половое стремленіе , это роковое, но прекрасное чувство, возбуждающее человѣка и удесятеряющее его силы. Чтобы не видать женщинъ, спасались бѣгствомъ въ Фиванду.

Очень сложны и разнообразны причины, заставляющія въ настоящее время убѣгать и даже чуждаться общества женщинъ.

Первая причина есть, безъ сомнѣнія, возрастающая нищета женщинъ бѣднаго класса, отдающая ихъ въ руки мужчинъ, легкость обладанія этими жертвами голода. Отсюда является пресыщеніе, разслабленіе, неспособность къ болѣе возвышенной любви, нежеланіе подвергаться смертельной скукѣ долгаго ожиданія того, чѣмъ такъ легко можно пользоваться каждый вечеръ.

Даже люди съ другими потребностями, склонные къ постоянству и желающіе любить *одну*, предпочитаютъ женщину вполнѣ зависящую отъ нихъ, кроткую, послушную, которая бы не чувствуя за собою никакихъ правъ, и зная, что ее завтра могутъ бросить, употребляла все свои силы на то, чтобы угождать и нравиться.

Сильныя, блестящія натуры нашихъ барышень, нерѣдко выказывающіяся вполнѣ на другой день брака, заранѣе пугаютъ холостяковъ. Съ французенкою не шутите — *французенка личность*. А это можетъ быть залогомъ великаго счастья, но иногда и несчастья.

Наши гражданскіе законы, при всемъ своемъ превосходствѣ (имъ принадлежитъ будущее, и къ нимъ должны придти все народы), тѣмъ не менѣе увеличиваютъ эту трудность, вытекающую изъ національнаго характера. Француженка знаетъ, что она наследница, что у нея есть приданое. Это не то, что въ иныхъ сосѣднихъ странахъ, гдѣ дѣвушка, если и получаетъ приданое, то не иначе, какъ деньгами, (которые мужъ пускаетъ въ оборотъ) За Француженкой дается недвижимое имущество, и еслибы даже братья ея пожелали замѣнить его капиталомъ, то гражданскіе законы препятствуютъ этому, и упрочиваютъ за нею недвижимость. Это богатство большею частью остается ей. Земля не растрачивается, домъ не рушится: они упрочиваютъ за Француженкою самостоятельность, которой не имѣютъ ни нѣмка, ни англичанка. Личность послѣднихъ такъ сказать заслоняется личностью ихъ мужа, и состояніе ихъ (если онѣ его имѣютъ) сливается съ его состояніемъ. По этому, онѣ болѣе, нежели наши дѣвушки, отрываются отъ своей семьи, которая уже не приметъ ихъ назадъ. У нихъ женщина, выходя замужъ, какъ бы умираетъ для своихъ родныхъ, которые радуются, что пристроили еѣ, и что она не сидитъ болѣе у нихъ на шеѣ. Чтобы ни случилось, куда бы ни повезъ ее мужъ, она повсюду за нимъ слѣдуетъ, и вездѣ остается при немъ. При такихъ условіяхъ, бракъ не такъ пугаетъ.

Во Франціи мы видимъ любопытное явленіе, по видимому несообразное; но, въ сущности, ни мало, — а именно: *что брачные узы весьма слабы, а семейные весьма прочны.* Случается, (особливо въ провинціи, среди деревенской буржуазіи), что женщина, выйдя замужъ и приживъ дѣтей, дѣлитъ свое сердце между дѣтьми и своими родными, старинная привязанность къ которымъ въ ней пробуждается снова. Что-же остается на долю мужа? ничего. Тутъ уже духъ семьи убиваетъ духа брака.

Трудно представить себѣ, до какой степени становится скучна эта женщина, опирающаяся на отсталое прошлое, становящаяся въ уровень съ своею матерью, обветшалый умъ которой пропитанъ старьемъ. Жизнь мужа *течетъ ровно*, но онъ быстро опускается, обезкураживается, тяжелѣетъ, дѣлается ни на что не годнымъ. Онъ утрачиваетъ послѣднее стремленіе къ дальнѣйшему развитію, почерпнутое имъ изъ науки, изъ молодаго кружка друзей. Его вскорѣ окончательно подавляетъ *женщина собственница* въ удушающей атмосферѣ стараго, домашняго очага.

Такимъ образомъ приданое во сто тысячъ франковъ губитъ человѣка, который можетъ быть каждый годъ пріобрѣталъ бы по-сту тысячъ франковъ.

Вотъ это говоритъ себѣ всякій молодой человѣкъ, въ эпоху *неограниченныхъ надеждъ* и вѣры въ жизнь. Больше или меньше выпадетъ на его долю, все ровно: онъ хочетъ